

ДЖЕК ЛОНДОН

♦ СЕРДЦА ТРЁХ ♦

роман

Москва
Издательский Дом
Мещерякова
2022

Глава первая

В это позднее весеннее утро события развивались очень быстро в жизни Френсиса Моргана. Если когда-нибудь человеку суждено было, переместившись во времени, стать участником жестокой, кровавой драмы, а точнее — трагедии бесхитростных душ, и одновременно свидетелем средневековой мелодрамы, насыщенной сентиментальностью и бурными страстями, свойственными обитателям Латинского Нового Света, то этим человеком Судьба предназначила быть Френсису Моргану, и притом весьма скоро.

Однако сам Френсис Морган пребывал в ленивом неведении относительно того, что в мире что-то для него готовится, и едва ли был готов встретить надвигавшиеся события. Поздно засидевшись за бриджем, он поздно начинал свой день. За поздним пробуждением последовал поздний завтрак из фруктов и каши; покончив с ним, Френсис направился в библиотеку — строго, со вкусом обставленную комнату, откуда его отец в последние годы жизни руководил своими обширными и многообразными делами.

— Паркер, — обратился Френсис к камердинеру, который служил ещё его отцу, — ты не замечал признаков ожирения у Р.Г.М. в последние годы его жизни?

— О нет, сэръ, — отвечал тот со всей почтительностью хорошо вышколенного слуги, но невольно бросая беглый оценивающий взгляд на великолепную фигуру молодого человека. — Ваш батюшка, сэръ, всегда отличался стройностью. Фигура у него никогда не менялась; он был широкоплечий, с могучей грудью, и хоть широковат в кости, но талия, сэръ, у него была тонкая, всегда тонкая. Когда его обмыли, сэръ, и положили на стол, многие молодые люди в нашем городе могли бы устыдиться своей фигуры. Он всегда тщательно следил за собой, сэръ, — я имею в виду все эти упражнения, которые он делал в постели, полчаса каждое утро. Ничто не могло заставить его отступить. Он называл это своим культом.

— Да, фигура у отца была редкостная, — рассеянно произнёс молодой человек, глядя на биржевой телеграф и несколько телефонных аппаратов, установленных ещё его отцом.

— Сделай это! Мне никогда и никто до сих пор не целовал руки. Я никогда не видела, как это делают в жизни, а видела лишь в своих грёзах да в картинах, которые мне показывало Зеркало Мира.

Френсис склонился и поцеловал её руку. И так как она не проявляла ни малейшего желания отнять руку, он продолжал держать её, ладонью чувствуя, как еле уловимо, но бесперебойно пульсирует кровь в розовых кончиках её пальцев. Так они оба стояли, не говоря ни слова. Френсис был смущён, королева легонько вздыхала, а в сердце Леонсии бушевала чисто женская ревность. Вдруг Генри весело выпалил по-английски:

— Да поцелуй ты её руку ещё раз, Френсис! Ей же это понравилось!

Жрец Солнца зашикал на него. Но королева, с девическим смущением испуганно выдернувшая было руку из руки Френсиса, поспешно вложила её обратно.

— Я тоже говорю на этом языке, на котором говоришь ты, — сказала она Генри. — И я, никогда не знавшая мужчины, не постыжусь признаться, что мне это понравилось. Это первый поцелуй в моей жизни. Френсис — ведь так назвал тебя твой друг? — повинуйся ему. Мне это понравилось. Мне это очень понравилось. Поцелуй мне руку ещё раз.

И Френсис повиновался; рука её по-прежнему оставалась в его руке, а сама королева, забыв обо всём на свете, словно замороженная, смотрела не отрываясь ему в глаза. Наконец, призвав на помощь всю свою волю, она овладела собой, быстро высвободила руку, жестом приказала Френсису отойти и обратилась к жрецу Солнца.

— Итак, жрец, — начала она, и в голосе её опять зазвучали резкие нотки, — мне уже известно, зачем ты привёл сюда этих пленников. Но всё же мне хотелось бы, чтобы ты рассказал об этом сам.

— О королева! Разве не повелевает нам долг убить этих пришельцев, как требует обычай? Народ смущён, он не доверяет моему суждению и просит, чтобы решила ты.

— А ты полагаешь, что их следует убить?

— Да, таково моё суждение. Но я хочу знать твоё, чтобы оно было у нас с тобой одинаковым.

Она ещё раз оглядела четырёх пленников: Торреса — с жалостью, Генри — с сомнением, Леонсию — хмуро; на Френсиса же смотрела целую минуту взором, полным безграничной нежности, — во всяком случае, так показалось взбешённой Леонсии.

в бурную стремнину. Торрес попробовал спасти пса, но его уже затянуло под скалу.

Долго колебался Торрес. Страшно было подумать о том, чтобы снова броситься в подземную реку. А наверху, казалось, был открыт путь к дневному свету — и всё в Торресе устремилось к этому свету, как пчела или цветок стремятся к солнцу. Но что же такое увидела там собака, что заставило её так поспешно броситься назад? Погружённый в размышления, Торрес сразу не заметил, что его рука покоится на чём-то круглом. Он поднял этот предмет и увидел безглазый, безносый человеческий череп. Тут испуганному взгляду Торреса предстало пространство, устланное, точно ковром, человеческими костями, — он явственно различил рёбра, позвонки и бедренные кости, составлявшие когда-то скелеты погибших здесь людей. Это зрелище склонило его в пользу прыжка в реку. Но, взглянув, как она, ярясь и пенясь, устремляется в отверстие под скалой, он отшатнулся.

Вытащив кинжал королевы, Торрес с величайшей осторожностью прополз между двумя нижними нитями паутины, увидел то, что увидела собака, и в такой панике отскочил назад, что тоже упал в воду и, едва успев наполнить лёгкие воздухом, был втянут водоворотом в крошечную тьму под скалой.

* * *

Тем временем в доме королевы на берегу озера с не меньшей быстротой развивались не менее значительные события. Гости и новобрачные только что вернулись после брачной церемонии, состоявшейся у Большого дома, и рассаживались за столом, на котором, если можно так выразиться, был сервирован свадебный завтрак, как вдруг сквозь щель в бамбуковой стене влетела стрела и, просвистев между королевой и Френсисом, с такой силой вонзилась в противоположную стену, что оперённый конец её всё ещё продолжал дрожать. Генри и Френсис подбежали к окнам, выходящим на узенький мостик, и увидели, что положение создалось опасное. На глазах у них копыносец королевы, охранявший подступ к мосту, бросился бежать к дому и на середине моста упал в воду, подбитый стрелой, которая продолжала дрожать у него в спине, — совсем как та, что ударила в стену комнаты. За мостом, на берегу, толпилось всё мужское население Долины Затерянных Душ во главе со жрецом, осыпая дом стрелами с перистыми концами. Позади стояли женщины и дети.

Вы, конечно, захотите узнать у него, что произошло с нами. Он наврёт вам с три короба. А мы пока спрячемся вон за той ширмой... Ну, пойдёмте же!

Она схватила королеву за руку и бросилась к ширме, приказав взглядом Френсису и Генри следовать за ними.

Когда Торрес вошёл, глазам его представилась весьма мрачная картина. Энрико и его сыновья ещё совсем недавно пребывали в такой горе, что им ничего не стоило разыграть это сейчас. При виде гостя Энрико поднялся было со своего места, чтобы его приветствовать, но тут же снова бессильно опустился в кресло. Торрес обеими руками схватил его руку и изобразил на лице величайшее сочувствие, притворяясь, что от волнения не может вымолвить ни слова.

— Увы! — наконец произнёс он трагическим тоном. — Они погибли. И ваша прекрасная дочь Леонсия погибла. И оба Моргана тоже. Рикардо ведь, наверно, рассказал вам, что они погибли в недрах горы майя. Это какое-то заколдованное место, — продолжал он, выждав, пока уляжется первый взрыв горя у Энрико. — Я был с ними, когда они умирали. Если б они послушались меня, — сейчас все были бы живы. Но даже Леонсия не захотела послушать старого друга! Нет! Она предпочла послушаться этих двух гринго. А я, преодолев неописуемые опасности, выбрался из пещеры, спустился вниз в Долину Затерянных Душ, а когда вернулся, они были уже в агонии...

В этот миг в комнату влетел белый волкодав, за которым бежал слуга индеец. Дрожа и повизгивая от возбуждения, он обнюхал комнату, учуяв в ней запах, говоривший о присутствии его хозяйки. Но пёс не успел подбежать к ширме, за которой скрывалась королева: Торрес схватил его за шею и передал в руки двум слугам индейцам, чтобы они подержали его.

— Пусть собака побудет здесь, — сказал Торрес. — Я расскажу вам о ней после. А сначала взгляните-ка вот на это. — И он вытащил из кармана целую пригоршню драгоценных камней. — Я постучался в двери мертвецов — и смотрите: сокровище майя — моё. Я теперь самый богатый человек не только в Панаме, но и в обеих Америках. Я буду могуществен.

— Вы ведь были с моей дочерью, когда она умирала, — прервал его Энрико с рыданием. — Неужели она не просила ничего передать мне?

— Да, — тоже с рыданием ответил Торрес, и в самом деле взволнованный сценой смерти Леонсии, которую нарисовала ему его богатая фантазия. — Она умерла с вашим именем на устах. Её последние слова были...

удивляться, Леонсия поздоровалась с женой Френсиса Моргана так, точно они расстались всего час назад. Даже кинжал не возбудил в ней ни страха, ни любопытства. Быть может, если бы она проявила одно из этих чувств, соперница и пронзила бы её стальным клинком. Так или иначе, королева лишь воскликнула:

— Ты низкая женщина! Низкая, низкая!

На что Леонсия только пожала плечами и сказала:

— Советую вам лучше держать зонтик так, чтоб он защищал вас от солнца.

Королева вышла из-за спины Леонсии и встала прямо перед нею, глядя на свою соперницу сверху вниз. Гнев и ревность душили её, и она не могла вымолвить ни слова.

— Но почему же я гадкая? — первой заговорила Леонсия после долгого молчания.

— Потому что ты воровка! — вскипела королева. — Потому что ты крадёшь мужчин, когда у тебя есть свой муж. Потому что ты неверна своему мужу, — по крайней мере в душе: для большего у тебя пока не было возможности.

— У меня нет мужа, — спокойно возразила Леонсия.

— Ну, есть жених... Вы ведь, по-моему, должны были пожениться на следующий день после нашего отъезда.

— У меня нет и жениха, — продолжала Леонсия с тем же спокойствием.

Всё тело королевы так напряглось, а лицо приняло такое выражение, что Леонсия невольно сравнила её с тигрицей.

— А Генри Морган? — вскричала королева.

— Он мой брат.

— Это слово, Леонсия Солано, может значить очень многое. Я теперь узнала это. В Нью-Йорке есть люди, которые поклоняются каким-то непонятным божествам и называют всех людей в мире братьями, а всех женщин — сёстрами.

— Отец Генри был моим отцом, — терпеливо пояснила ей Леонсия. — Его мать была моей матерью. Мы родные брат и сестра.

— А Френсис? — спросила королева с внезапно пробудившимся интересом. — Ему ты тоже сестра?

Леонсия покачала головой.

— Какая ерунда! — рассмеялся Френсис. — Он был слишком хорошим другом моего отца.

— А вы когда-нибудь слышали о слиянии «Космополитен рейлуэйз»? — многозначительно спросил Бэском.

Френсис кивнул.

— Но меня тогда ещё не было на свете, — немного погодя сказал он. — Я только знаю кое-что понаслышке. Так расскажите же, в чём там было дело? Почему вы вдруг об этом вспомнили?

— Слишком долго рассказывать, но послушайтесь моего совета: когда увидите Ригана, не выкладывайте ему всех своих карт. Пусть он сыграет первым. И если он что-нибудь собирается вам предложить, пусть сделает это без всякой просьбы с вашей стороны. Конечно, быть может, я и ошибаюсь, но вам не вредно было бы сначала посмотреть его карты.

Через полчаса Френсис уже сидел один на один с Риганом в его кабинете. Он настолько ясно сознавал, какая ему грозит беда, что с трудом сдерживался, чтобы не признаться в этом откровенно; однако, памятуя совет Бэскома, старался возможно небрежнее говорить о состоянии своих дел. Он даже пробовал разыгрывать полное спокойствие.

— По уши завяз, а? — начал Риган.

— Ну, не так глубоко, голова у меня ещё на поверхности, — шуточно откликнулся Френсис. — Я ещё могу дышать и тонуть не собираюсь.

Риган ответил не сразу. Несколько минут он изучал последние данные на ленте биржевого телеграфа.

— И всё-таки ты выбросил на рынок довольно много акций «Тэмпико петролеум».

— Зато их прямо рвут из рук, — парировал Френсис и впервые за всё время с удивлением подумал, что, быть может, Бэском и прав. — Ничего, я заставляю своих противников проглотить столько акций, что их тошнить начнёт.

— И всё-таки, заметь, акции «Тэмпико» начинают падать, хоть их и раскупают вовсю. Вот что очень странно! — сказал Риган.

— Когда на бирже идёт игра на понижение, всякие странные вещи случаются, — спокойно и мудро возразил Френсис. — Но когда мои враги напихают себе брюхо тем, от чего я с радостью готов избавиться, у них начнутся колики. И тогда кое-кому придётся дорого заплатить за то, чтоб

зрелище, какое мало кому доводилось видеть. А теперь идёте! Мы только зря теряем время.

Он вместе с Генри схватился за ручку чемодана. Заметив это, лейтенант Бёрнс тотчас подскочил к ним.

— Пока мы ещё не договорились, я, пожалуй, сам понесу его, — сказал Генри.

— Конечно, конечно, — согласился Чарли Типпери. — Только не будем терять драгоценное время. Ведь нам ещё надо договориться. Пойдёмте же! Быстрее!

Глава двадцать девятая

Мораторий, объявленный правительством США, помог стабилизировать положение, и акции на бирже перестали падать, а некоторые даже поднялись в цене. Такая картина наблюдалась в отношении акций почти всех предприятий, кроме тех, в которые были вложены капиталы Френсиса и которыми Риган играл на понижение. Он продолжал играть на понижение, вызывая неуклонное падение цен, и с радостью отметил, что на рынке появились большие пакеты акций «Тэмпико петролеум», которые, очевидно, выбрасывал не кто иной, как Френсис.

— Теперь пришло наше время, — скомандовал Риган своим сообщникам. — Продавайте и покупайте. В обоих случаях будете в выигрыше. И всё время помните о списке предприятий, который я вам дал. Продавайте только эти акции, да так, чтобы их побыстрее вручить покупателю. Они будут падать и падать. А всё остальное покупайте, и покупайте немедленно; и вручайте покупателю всё, что продадите... Поймите, это дело беспроигрышное, а продолжая сбывать акции, указанные в списке, вы убьёте сразу двух зайцев.

— А вы-то сами что будете делать? — спросил один из «медведей».

— Я? Мне покупать нечего, — был ответ. — Пусть это служит вам доказательством, что я даю вам честный совет и что у меня нет сомнений в правильности этой тактики. Я не продал ни одной акции, кроме тех, которые указаны в списке, так что я ничего не должен покупателям. Я тут